

УДК 930.85 (574)
DOI: 10.17223/19988613/51/19

С.А. Ярыгин, А.С. Сарсамбекова, Н.Г. Шаймердинова

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ В СИСТЕМЕ ЗНАКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Исследуется традиционный костюм в культуре кочевников Евразийских степей постгуннского времени. Костюм элитарных групп кочевников постгуннского времени являлся сложным комплексом, включающим традиционный наряд кочевников западной и восточной части евразийской степи, восходящий к предшествующим эпохам и сопровождающийся украшениями и декором в полихромном стиле, что являлось данью моде и импортом из таких империй, как Китай, Иран, Византия.

Ключевые слова: гунны; огуры; тюрки; элита; костюм.

Первая половина – середина I тысячелетия расположена между двумя крупными культурно-историческими периодами: поздней Древностью и ранним Средневековьем. В это время в степях от Северного Причерноморья до Западной Монголии расселились многочисленные гуннские и огуру-булгарские племена. Источники перечисляют десятки разнообразных этнонимов – сарагуры, оногуры, уроги, кутригуры, утигуры и др. В китайских источниках их ближайшие этнические родственники известны как гаочэ/динлин/дили или, позднее, теле, в китайских, и огузы – в собственно тюркских источниках. Вероятно, самоназванием восточной группы данных племен было «огузы». Очевидно, что огуры и огузы – это один этноним, с поправкой на «ротацизм» ранних тюрков Восточной Европы и Казахстана. Этническую близость двух групп кочевников подтверждает сходство некоторых этнонимов. С конца IV в. в составе гаочэ отмечают племя юаньхэ, которое соответствует восточноевропейским оногурам [1. С. 80–81, 99; 2. С. 321–335; 3. С. 58–61; 4. С. 21–55].

В Центральной, Восточной Монголии и Северном Китае доминировали племена «дунхуской» группы, в своей основе являвшиеся носителями монгольских языков (исследователями не исключается, что некоторые из них были тюрко- или маньчжуроязычны) – сяньби, ухуань, жужань, тоба, муян и др. [5; 6. С. 51–155; 7. С. 112–115].

Миграции и военная экспансия кочевых племен привели к формированию на территории евразийской степи многочисленных элитарных кланов, что в свою очередь нашло отражение в исторической памяти и письменных источниках токуз-огузов (уйгуров). Фрагмент текста тесинской стелы: «(7)... Когда, в прежние времена, были сотворены (или: возникли)... уйгурские каганы на царство сели, (они были) мудрые и великие каганы. (8)... они на царстве сидели. Триста лет множеством своих элей они правили. Потом их народ погиб» [8. С. 87–89]. Средневековый автор, отмечая 300-летний период как время правления «мудрых и великих каганов», уточняет, что правили они «тысячью своих элей». В Вэйшу (гл. 103) подобный факт подтвержда-

ется комментарием, что у гаочэ «не было единоначальствующего верховного главы; каждый род имел своего государя или старейшину» [9. С. 215–216].

Письменные источники изобилуют сведениями о многочисленных вождях, правителях кочевых племен первой половины – середины I тыс.

Западные источники, повествуя о гуннских и огуру-булгарских племенах, указывают правителей, вождей как незначительных, так и более крупных. Среди гуннских правителей начала–середины V в. – Ульдин, Харатон, Донат, самым известным, безусловно, является Атилла. В последующий период встречается упоминание огурских вождей. При описании столкновения болгар с Теодорихом (в будущем «Великим», основателем остготского государства) на р. Саве во время переселения остготов в Италию в 488 г. погиб болгарский вождь Бузан. В других письменных свидетельствах появляются имена Бела, Грода и его брата Муагерия (Муила), Хиниалона, Синния и более известных – Сандилха, Забергана, основателя Великой Болгарии хана Кубрата, а также имена правительниц – Аккаги (утигуры) и Боарикс (савиры) [10. С. 61–62, 80–82, 89–90, 95–100, 160–161].

В Вэйшу при описании сишаньских динлинов, которые в конце IV–V вв. обитали недалеко от гор Тайханшань, на северо-востоке Ордоса и на западе и севере Хэдуна, сказано, что их возглавлял Дишу. В другом случае говорится про вождя Диду [1. С. 85–86]. Более крупная группировка гаочэ в 487 г. под руководством вождя Афучжило из рода фуфоло и его двоюродного брата и соправителя Цюнци заняла территорию между Монгольским Алтаем, Восточным Тянь-Шанем и прилегающие к ней горные районы, включив в свой состав позднехуннское объединение юэбань. Гаочэ подчинили своей власти важный участок Великого шелкового пути, осуществляя контроль над районом оз. Баркуль и оазисом Хами.

Конкуренция элитных кочевых групп за обладание высоким статусом побуждала их активно использовать для обоснования своего высокого статуса специальные символы власти. Важным инструментом для репрезентации власти выступали генеалогические предания,

специальная титулатура и сакрализация образа правителя и его линиджа. Не менее важными являлись непосредственно материальные символы, к числу которых относятся традиционный костюм кочевников и его отдельные элементы.

Костюм как культурное явление включает в себя непосредственно одяние, защищающее хозяина от воздействия окружающей природной среды, и комплекс дополнительных деталей – украшения, предметы туалета, оружие, прическу, макияж, пирсинг [11. С. 147–158]. Очевидно, что в изучении данной проблематики главным объектом выступает не сам костюм, а «человек в костюме», который расположен на пересечении различных методологических подходов – исторических, социальных, культурологических. Костюм приобретает свойственную ему символическую значимость, только находясь в тесной связи с человеком и человеческим телом, которому он обязан своим воплощением [12].

Таким образом, в структуре костюмного языка определяющим является сам костюм, надетый на человека, а определяемым – содержание смыслов, того, что его носитель хотел продемонстрировать окружающим. Акт коммуникации в данном случае происходит с помощью специальных символов, которые имеют формальные и содержательные стороны, включают в себя разнообразные аспекты: коммуникативный, нормативный, стилистический, прагматический, языковой [13].

На каждом историческом этапе с изменением мировоззрения общества менялся и стиль костюма, однако, безусловно, общими оставались его основные функции: 1) магическая; 2) возрастная; 3) социально-половая; 4) этническая; 5) религиозная; 6) эстетическая. В соответствии с этим костюм, являясь целостной системой предметов и элементов одежды, декора, вооружения, предметов туалета, которые объединены общим замыслом, несет информацию о совокупности статусов владельца, фиксирует положение человека как в пространстве, так и во времени, выступает в качестве важного критерия в бинарной оппозиции «свой – чужой» [14].

Как было отмечено выше, декор костюма – это наиболее доступный способ демонстрации социального положения члена сообщества, а сам костюм – наиболее открытое поле для обозрения и прочтения символики его социального статуса. Символическое значение деталей декора и самого комплекса было ориентировано на внутреннее использование. Заключенная в декоре костюма символика была предназначена в первую очередь для членов определенного коллектива, отражая его социальную стратификацию. Оформление одежды различными деталями зависело от особенностей господствующего в данном этнокультурном сообществе мировоззрения, сформировавшейся социокультурной традиции. Связь с конкретным индивидуумом или социальной группой позволяла, посредством визуального оформления, сообщить окружающим важнейшую информацию о человеке – его возрасте, положении, рели-

гиозных воззрениях. Для представителей иного коллектива символическое содержание предметов декора не было доступно в полной мере, поэтому показателями высокого статуса хозяина костюма служила ценность тканей, из которых он изготовлялся, и наличие в декоре значительного количества предметов из драгоценных металлов (золота), а также их высокое художественное исполнение.

Вопросы изучения костюма евразийских кочевников поднимались в работах А.К. Акишева, Н.В. Полосьмак, Л.Л. Барковой, Г.М. Майтдиновой, С.А. Яценко, В.Н. Пилипко, М.В. Горелика, К. Алтынбекова и многих других исследователей, работающих в первую очередь с археологическими источниками [15; 16. С. 114–132; 17. С. 159–160; 18; 19. С. 56–65; 20. С. 212; 21; 22. С. 315–342; 23. С. 253–256; 24. С. 206–210].

Очевидно, что кочевники, вслед за другими сообществами, выделяли три основные условные зоны, в рамках которых на теле помещались статусные элементы костюма – голова, шея, пояс. В репрезентации власти посредством костюма играли роль и другие зоны, символами власти могли выступать разные детали вплоть до обуви, однако они имели второстепенное значение в силу своей слабой визуализации. Верхняя часть тела и соответствующие ее детали костюма находились постоянно на виду, что и играло роль. Таким образом, в список включаются прическа или головной убор, украшение шеи, пояс и прикрепленное к нему оружие.

Как было сказано выше, особое внимание в разных культурах отдавалось человеческой голове, соответственно важные репрезентующие власть элементы костюма связаны именно с ней. В число таковых входят прическа, головной убор или то, что их совмещает.

Стоит отметить, что любой акт коммуникации между индивидуумами начинается с операций, обозначаемых в науке как сенсорно-нейронная и психофизиологическая. В их рамках оппоненты оценивают потенциал и значимость друг друга на основании анализа телесных качеств, биологии и пластики, выразительного природного языка. Взаимодействующие получают первый и главный сигнал о поле человека, возрасте, силе, имеющейся опасности или ее отсутствии. Биологическое тело человека – это тело вида-индивида, так как оно дано природой. Частью телесного экзистенциала выступает социальное тело, которое соединено с социумной маркировкой и социальным и групповым сознанием. В соответствии с этим получение социального маркера, или метки, напрямую зависит от решения социальной, религиозной или любой другой группы, частью которой является индивид. Другим телом, участвующим в процессе общения, является демонстрационно-коммуникативное тело – оно имеет полифункциональную, демонстрационную составляющую, обозначающуюся в процессе общения. Его главная функция состоит в осуществлении социальной, сексуальной, межвозрастной, профессиональной и другой коммуни-

кации. Оно выполняет функцию коммуникативного сигнала в виде мимики, жестов и пр. Данные тела существуют в единстве и взаимодействуют с внешним миром в зависимости от своих функций [25].

Очевидно, что изменение тела – феномен исключительно человеческой культуры, являясь ее знаком. Изменения выступают актом творения по отношению к неизменному телу в его естественном состоянии. В контексте этого данный процесс представляет собой уникальное человеческое и, следовательно, «цивилизованное» действие. Манипуляции с биологическим телом, осуществляемые в древних сообществах, были тесно связаны со статусом социального тела, и демонстрационной составляющей демонстративно-коммуникативного тела. Для понимания мотивации любых манипуляций необходимо понимать, что тело представляется своеобразным текстом, который может быть считан актором и в рамках реализации политики тела. В качестве основных техник можно отметить манипуляции следующего типа – неизменяемые и изменяемые. Непосредственно прическа как тип манипуляции с телом входит в категорию изменяемых. Она представлена уложенными при помощи ряда процедур в определенную форму естественными или искусственными волосами. Часто ее компонентами становятся головные уборы, ленты, ювелирные украшения. Появление прически можно относить к эпохе первобытности, в процессе развития человека она изменялась вместе с эволюцией человеческого общества, а также в зависимости от климатических условий, исторических событий, религиозных убеждений, эстетических взглядов.

В период становления стратифицированных обществ прическа стала символом статуса, показывала принадлежность индивидуума к этнической, династической, профессиональной, религиозной группе. По ее особенностям можно было отличить представителя элиты от рядового члена социума или прошедшего инициацию от подростка. Помимо этого, прическа могла отражать индивидуальные вкусы человека, соответствующие эпохе и моде. Кочевники использовали весь возможный набор манипуляций, включающий отращивание волос или полное бритье головы, плетение кос, формирование сложных причесок, отращивание косицы или чуба – айдара [26. С. 279–289].

Существует ряд письменных свидетельств о прическах огурских, а также о близких им племен Евразии. У племен, образовавших болгарский племенной союз, отмечаются бритье головы, которое связано в «Именнике болгарских ханов» с правящими родами. В тексте источника об Авитохоле, Ирнике, Курте, Безмере из рода Дуло и Гостуне из рода Ерми сказано: «...держали княжение по ту сторону Дуная эти пять князей пятьсот пятнадцать лет с остриженными головами» [27. С. 48–49].

Про ухуаней повествуется, что «все бреют головы для облегчения и удобства. Женщины с наступлением времени замужества отпускают волосы, разделяют их и делают пучки. Надевают цзюй-цзюе (головной убор),

украшают золотом и лазоревым камнем, головной убор делается, как в Китае, при ходьбе он качается» (Саньгочжи, Вэйчжи, гл. 30, стр. 1а–5а) [28].

О другой группе дунхуских племен сяньби в Хоуханьшу сказано, что они «перед браком прежде обривают голову» (Хоуханьшу, гл. 120) [29]. В данном случае мы видим, что свидетельством вступления в новый семейный статус является избавление от старых волос. Таким образом, наблюдается сочетание женской статусной прически и головного убора. В Бэйши (гл. 97) про кочевников, создавших в IV–V вв. владение Юебань, в районе Тарбагатайских гор, сказано, что они «обстригают волосы и подравнивают брови, намазывая их клейстером, что придает им блестящий лоск» [Там же].

У племен гаочэ «женщина, обернув бараньи кости в кожу, ставит на голову себе, а волосы вокруг завивает в локоны и спускает, что представляет вид диадемы» (Вэйшу, гл. 103) [Там же]. Подобные прически восходят к женским прическам раннего железного века. Это подтверждают находки: изображение женщины на паре золотых поясных блях с изображением «всадников под деревом» из Сибирской коллекции Петра I (V–III вв. до н.э.). Женский персонаж показан с головным убором, который представляет собой цилиндрическую шапку с рельефно выступающей планкой на боку и очень высоким стержнем наверху. Косы подняты наверх и, возможно, привязаны или иным способом прикреплены к стержню головного убора. Его основные детали подобны женскому головному убору из пятого пазырыкского кургана, который состоял из деревянной «шапочки», в основном такой же формы, и также с парой планок по бокам. Наверху «шапочки» вертикально укреплен толстый кручёный жгут из конского волоса высотой в 20 см, а к нему присоединены продетые в пару отверстий на «шапочке» две косы женщины с нарощенными к ним шерстяными шнурами, и всё это вместе обвито войлочной полоской. Таким образом, головной убор представлял собой шапочку с вертикально стоящим на ней стержнем, высотой около полуметра, соединённым с волосами женщины [30. С. 7–31].

У предков тюркоязычных енисейских кыргызов – гяньгуней, в определенный период входивших в состав телеской конфедерации и представленных таштыкской археологической культурой, в погребальных комплексах непосредственно за черепом были обнаружены предметы, похожие на туески, изготовленные из бересты и свернутые в цилиндры средней высотой от 9,5 до 12 см, покрытые тканью внутри и снаружи. Благодаря сопоставлению по таштыкской графике и уникальным находкам в Оглахтах стало очевидно, что они представляли собой накосники, колпачки для волос. Разнообразие причесок связано с возрастом, общественным положением носителей [31. С. 40–52]. При этом, внешне разнообразные, таштыкские прически имели общую и характерную деталь – косичку, что отражало общий этнический код. В китайских источниках о енисейских кыргызах говорится: «все жители обнажают

голову, заплетают волосы» [9. С. 351; 28. С. 58]. Наблюдаемое значительное количество вариантов прически говорит, что она имела важный этнический, социальный и половозрастной маркер.

Моделирование нескольких типов прически для разных социальных групп отмечается у тюрков и возглавлявшей их династии ашина в источниках конца гунно-сарматского времени и начала раннего Средневековья. По словам китайского путешественника Сюань Цзяня, каган западных тюрков Тон-ябгу «...был одет в платье из зеленого сатина, волосы его были распущены... Лоб был повязан шелковой лентой, несколько раз обмотанной вокруг головы, конец ленты спадал на затылке. За ним стояли две сотни офицеров, одетых в парчовые одежды, с заплетенными косичками на голове» (Бэйши, гл. 98) [29].

Похожие сведения в Бэйши приводятся о Йеда (эфталитах), происходящих из дома Юэчжи – «остригают волосы на голове...» (Бэйши, гл. 97) [Там же]. О потомках кангюев в Средней Азии доме Кан из так называемых юэчжей группы чжаову сказано, что «владелец заплетает волосы, носит золотой венец с семью дорогими камнями. Одевание из шитых шелковых тканей, камки и белого полотна. Супруга складывает волосы на голове и накрывает черным покрывалом. Мужчины стригут волосы, одеваются в камчатные кафтаны» (Бэйши, гл. 97) [Там же]. Письменные источники дополняют данные археологии. Интересные сведения предоставляют находки в группе курганов Орлатского могильника, расположенного на побережье р. Саганак, правого притока Заравшана, к северу от г. Самарканд. В кургане № 2, раскопанном А.В. Карасевым, среди различных находок вооружения, поясных принадлежностей и бытовой утвари были обнаружены костяные пластины с резными рисунками батальных сцен, сцен охоты, животных. Материалы раскопок Орлатского могильника, включая пластины с рисунками, были проанализированы и опубликованы Г.А. Пугаченковой, которая пришла к заключению, что могильник относится к группе кангюйских кочевников II–I вв. до н.э. Г.А. Пугаченкова отметила характерные антропологические и этнографические черты воинов и охотников с орлатских пластин. У них «куполовидные», вследствие кольцевой деформации черепа, большие выступающие носы, удлиненные лица. Волосы на голове собраны в пучок или подстрижены. У воинов длинные усы и борода, либо только борода, или они бритые [32. Рис. 3.2–4, 4.1, 5.1–3, 6, 1–3].

В культуре туюйхуней существовали прически и уборы для волос, манифестирующие статус правителя: «...правители туюйхуней делают чехлы для волос из черного шелка, а их жены носят на голове золотые цветы. Утварь и одежда в общем такие же, как и в Среднем государстве. Многие ваны, гуны и знатные лица носят на голове шелковые платки. Женщины надевают юбки и короткие куртки, волосы заплетают в косы и связывают их нитками, на которые нанизаны бусины и раковины» (Суй шу, гл. 83, л. 16–5а) [29].

У племени, являвшемся ветвью сяньби, тоба (прическа) являлась этническим кодом. «Косоплеты, на кит. Со-тхэу, составляли особое сяньбийское поколение, по прозвищу Тоба. У них в обыкновении было заплетать волосы в косу. Отсюда китайцами дано им и название косоплетов» (Хоуханьшу, гл. 120) [29]. Однако после завоевания племенами тоба территории Северного Китая данная прическа стала обозначать принадлежность к высокому социально-политическому слою населения. Интересным фактом служит свидетельство о том, что в 440 г. после переименования династии в «Юань-Вэй» и начала китаизации император издал указ о запрещении при дворе сяньбийской одежды, прически (косы) и употребления тобаского языка, что было связано с ограничением влияния племенной знати.

Очевидно, что центральноазиатские кочевники первой половины – середины I тыс. имели богатую традицию формирования специальных причесок, которые выступали этническими, половозрастными, социальными маркерами. Для огузов и огузов отмечаются бритье головы у мужчин и формирование высокой прически у женщин.

Другие элементы костюма связаны непосредственно с украшениями и одеждой. Из археологических и письменных источников мы можем определенно сказать, что в гуннский и постгуннский период на территориях, включающих современную Европу, Средний Восток, Центральную и частично Внутреннюю Азию, в среде интернациональных элит сформировались специфические элементы мужского и женского костюма, что было связано с особенно высокой мобильностью элит в данный период [33. С. 27]. Частые перемещения совершенно разных по этнолингвистической характеристике военизированных группировок, формирование раннегосударственных полиэтнических структур гуннов, аланов, готов, огузов интенсифицировали культурные контакты между правящими родами кочевых и некоевых племен, а также Китаем, Сасанидским Ираном и Римской империей [34. S. 154–165].

Исторические хроники пестрят подобными эпизодами. Биографии таких персонажей, как Боарикс, Грод в Европе, Афучжило в Центральной Азии, служат прекрасным подтверждением. Брачные, дипломатические, военные контакты естественно сопровождались перемещением предметов материальной культуры, обладающих высоким социальным статусом. В это время получает широкое распространение мода на украшения, выполненные в полихромном стиле, представляющем собой сочетание драгоценного или полудрагоценного металла с вставками, инкрустацией цветными камнями (гранат/альмандин/пироп, рубин, сердолик и др.) или окрашенным стеклом, часто с декором в виде зерни [35. С. 340–345; 36. С. 5–11, 105–107]. Ареал распространения изделий в полихромном стиле в V–VI вв. шире собственно европейских культурных границ, достигая Центральной Азии и Дальнего Востока [37. С. 114–115].

На основании археологических данных по гуннским племенам V в. в качестве символов власти, которые размещались на голове, можно выделить специальные украшения, являющиеся частью традиционного костюма – диадемы, колты и серьги.

Сегодня известно около двадцати четырех диадем, обнаруженных на всем протяжении Евразийских степей. По типу формы их можно разделить на четыре группы: 1) в виде сплошной полосы прямоугольной формы с фигурным фризом; 2) в виде узкой ленты, сужающейся к концам; 3) лжетрехчастные; 4) трехчастные. Наиболее многочисленную группу составляют трехчастные диадемы (9 экземпляров). Часть из них происходит из погребений, открытых у с. Верхне-Погромного Волгоградской области, у станции Шипово Оренбургской области, у аула Канаттас Карагандинской области, у поселка Чулук-Тау в Центральном Казахстане. Наиболее ранняя находка сделана у оз. Батырь в погребальном комплексе III в. Это длинная, сужающаяся к концам полоса холста, покрытая сверху тонкой шелковой тканью красного цвета, налобная повязка. По всей полосе в три ряда нашиты мелкие золотые полукруглые бляшки. Все обнаруженные золотые диадемы были принадлежностью головного убора кочевой знати, рядовое население довольствовалось менее дорогими налобными повязками [36. С. 50–67].

Колты относятся к украшениям, бытовавшим только в гунно-сарматский и постгуннский периоды. Они происходят из погребений или случайных находок в южнорусских степях (6 экземпляров) и Центральной Азии (1 экземпляр). Колт представляет собой плоский золотой щиток в форме неправильного овала с напаянной вдоль ребра узкой лентой, образующей с лицевой и оборотной сторон прямые закраины. К центру, по всей длине, припаяны цилиндрические трубочки (от 18 до 26) с желобчатой поверхностью и круглой шаровидной головкой на конце. Головки завершены пирамидкой из зерни. Внешняя сторона щитка украшена гранатовыми, альмадиновыми, сердоликовыми или янтарными вставками в напаянных гнездах числом от десяти до тринадцати. Промежутки между вставками и края щитка орнаментированы треугольниками, или ободками из зерни, или накладным узором – «плетенкой». Обратная сторона также покрывалась зернью и гнездами со вставками, но в меньшем количестве – от трех до пяти. На двух колтах имеются фигуры животных, исполненные в технике мелкой зерни. Наиболее интересны подвески из случайной находки у хутора Верхне-Яблочного, на оборотной стороне которых представлена следующая сцена: в центре щитка – дерево с сидящей на его верхушке птицей, с каждой стороны дерева – по две фигурки козлов, размещенные друг над другом и обращенные к дереву. Подобные колты бытовали лишь в гуннскую эпоху. Они служили височными подвесками, которые с помощью двух боковых пластинчатых петелек подвешивались к головному убору на уровне висков [Там же].

Серьги полихромного стиля гуннского времени найдены в трех погребениях – в Нижнем Поволжье, Казахстане и Крыму. Две пары имели фигурное основание из двух спаянных половинок с высокой бронзовой дужкой, третья представлена одной серьгой в форме полумесяца. Для сохранения объема серьги внутри заполнены сероватой массой. На их лицевой стороне – напаянные гнезда со вставками альмадина или граната и треугольнички из зерни. Вокруг гнезд – ободки из зерни. Края также обрамлены зернью [36. С. 50–67].

Шея в гуннское время украшалась гривнами. Основную группу находок первого типа составляют гривны с наконечниками оригинальной формы – в виде схематичной головы драконов, которые были обнаружены в погребении у с. Кара-Агач (Центральный Казахстан) и на Каряжском городище близ Ставрополя и в склепе Госпитальной улицы в Керчи. У с. Кара-Агач найдена пара наконечников, на городище – один. Первые два представляют собой полые, внутри заполненные белой массой, прямоугольные столбики, заканчивающиеся открытой пастью дракона с торчащими ушами. Третий наконечник в виде трубочки неправильной формы спаян из двух половин листового золота и также заканчивается оскаленной пастью чудовища. Наконечники богато украшены вставками граната, янтаря, красного стекла и филигранным орнаментом – «веревочкой», треугольниками и пирамидками из зерни [Там же; 38].

Интерес представляют находки гривен в погребении знатного воина эпохи Великого переселения народов на р. Чарыш (левый приток Оби), между с. Тугозвонovo и пос. Новосельским на территории нынешнего Шипуновского района Алтайского края [39. С. 129–163]. В погребении обнаружены богато украшенное оружие – палаш и кинжал, фрагменты декора костюма, выполненные в полихромном стиле, а также гривны. Лучше всего сохранилась литая золотая гривна, которая заканчивается головками зверя. В его облике подчеркнуты мощная пасть, выпуклый лоб, крупный нос, торчащие уши, огромные глаза. Рельефность изображения достигается выборкой фона (вокруг глаз, губ и т.п.) и углублением глазниц, ушных раковин, пасти. Детализация изображений произведена после отливки. А. Уманский, исследовавший комплекс, отмечает, что «из всех реальных животных, пожалуй, наиболее близок изображению зверя на гривне волк (крутой лоб, вообще лобастая голова, большие косо поставленные глаза, прямой и длинный нос, мощная пасть)» [Там же. С. 149–150].

Также обнаружены обломки серебряной позолоченной гривны. Наибольший обломок гривны (один из ее концов) выполнен в виде полый головки хищного зверя. Головка сохранилась не полностью: утрачена внешняя половина нижней челюсти, есть проломы во лбу и затылке и т.п. Головка была насажена на кусок железного прута. Изображение головы зверя на серебряной гривне весьма динамично: зубастая пасть зверя

оскалена, ноздри раздуты, острые уши прижаты, шерсть на загривке вздыблена. На первый взгляд, головка вслед за предыдущей гривной принадлежит волку. Но, как говорит автор, существенная деталь не позволяет утверждать это. У зверя видны по две пары клыков, а таким количеством клыков реальные волки не располагают. Очевидно, и в данном случае мы имеем дело не столько с реальным, сколько с мифологическим зверем, играющим также роль оберега, но только с более активной функцией, чем у оберегов золотой гривны [39. С. 149–150].

Археологические материалы по постгуннскому периоду (V–VI вв.) предоставляют в руки исследователей несколько элитных памятников, содержащих женские комплексы с ожерельями, – Ольвийский клад, Морской Чулек, Михаэльсфельд/Джигинская [40. С. 101–121].

В Ольвийском кладе колье с овальным медальоном, украшенным декором в стиле перегородчатой инкрустации. Возможно, что медальон является продукцией константинопольских ювелирных мастерских, тем более что его оборотная сторона украшена штампованным декором, типичным для средиземноморских изделий, а застежка колье сделана в традициях греко-римских мастерских. Как отмечают исследователи, женский аристократический набор, происходящий из Ольвии, является средиземноморским по происхождению и, скорее всего, ранневизантийским.

В погребении 2 из Морского Чулека найдена золотая цепь с медальоном, также средиземноморского происхождения. Золотая цепь имеет окончания с декором в стиле перегородчатой инкрустации, которые напоминают детали цепей второй половины V – начала VI в. из Ольвии и Клужа – Сомешени. Вторая гарнитура с сердоликовым декором похожа на детали конского убора из «вождеских» находок в Шамси в Киргизии и в Боровом в Северном Казахстане.

В Михаэльсфельде/Джигинской золотое колье имело подвески вмонтированным в замок солидом Юстина и Юстиниана. Византийские ювелирные традиции проявляются в способе плетения цепи, в характере ее замка, а также в крестообразном штампованном декоре на реверсе медальонов-подвесок [Там же].

В последнее десятилетие на территории Центрального Казахстана исследовано два новых женских погребения первой половины – середины I тысячелетия: погребение в сооружении 2 могильника Енбекшил и впускное захоронение, совершенное в насыпи кургана 2 могильника Назар-2.

Первый памятник находился на территории Шетского района Карагандинской области в 3,5 км на северо-восток от с. Енбекшил, в широкой долине правобережья р. Шерубай-Нура. Могильник включал помимо стандартных каменных конструкций курган с усами. Сооружение 2 представляло наброс камней размером 3×2,5 м. Погребение, ориентированное по линии ЮЮЗ–ССВ, находилось в низком подбое. На дне, в северном углу найден череп лошади, лежавший на бо-

ку, мордой на север. К югу от черепа были обнаружены другие кости лошадиного скелета. Находки незначительны. Слева от черепа возле левого плеча находились круглое керамическое пряслице диаметром 3,4 см и крестец барана. В области левой грудной клетки найдена подвеска из бронзового сплава овальной формы с петелькой, инкрустированная камнем и украшенная по краям двумя рядами зерни. Длина с петелькой 3,2 см, ширина 2,5 см. Ниже, на уровне лучевой кости находились два небольших пластинчатых изделия из бронзового сплава. В области левого запястья собраны шесть каменных бусин красного цвета, две из которых лежали под тазовой и лучевой костями [41. С. 446–461].

Второй памятник обнаружен в насыпи кургана 2 могильника Назар-2, находящегося в 5 км к востоку от с. Нуркен, на территории Каркаралинского района Карагандинской области. Он не содержал богатых находок, однако интересно, что в женском погребении была находка в виде длинного меча. Могильная яма была вытянута в меридианальном направлении. В заполнении, вдоль длины ямы, обнаружен узкий железный палаш с ромбовидным перекрестием. Общая длина палаша 86,3 см, длина клинка 77 см. На черенке рукояти сохранился штырь для крепления деревянной планки. Ручка, вероятно, была окрашена в красный цвет. Ниже уровня палаша расчищен скелет человека. В области правой грудной клетки найдены железные черешковые трехлопастные наконечники стрел с ромбовидной формой пера, положенные острием в сторону изголовья. Всего около 13–14 наконечников. На нижней половине левой берцовой кости и ступне зафиксированы остатки кожи, вероятно обуви [42. С. 462–468].

Наличие в постгуннских погребениях или кладах предметов, свидетельствующих о высоком статусе женщин, не противоречит сведениям о кочевниках огурского круга из Византийских источников, в которых приводятся данные о женщинах-правительницах. В данном случае мы наблюдаем определенную традицию, которая присутствовала в политической культуре кочевых народов конца V – первой половины VI в. и которая находит отражение в данных археологии.

Первые археологически зафиксированные наборные пояса относятся к VII в. до н.э., а наиболее широкое распространение они получают в V–III вв. до н.э. В первой половине I тыс. широкое распространение получают пояса с бляхами геометрической формы. Эта форма становится господствующей в тюркское время. Следует подчеркнуть, что в границах эпох – скифской, гуннской и тюркской – развитие поясов шло в целом общими путями и имело общие закономерности в оформлении, что обусловлено сходством социально-экономического и культурного развития племен, проживавших в этом огромном регионе [43. С. 81–82].

Немногочисленные наборные пояса первой половины I тыс. н.э. известны, как правило, по одиночным погребениям мужчин-воинов. Вызывает большой интерес погребение IV–V вв. н.э. у с. Тугозвоново на

р. Чарыш в Степном Алтае – одного из наиболее богатых среди так называемых «княжеских захоронений» этого времени, встречающихся на всем пространстве степей Евразии. В состав инвентаря тугозвонковского «князя» входил пояс, который украшали серебряные с золотой оковкой бляхи, выполненные в полихромном стиле [39. С. 129–163].

В одном из генеалогических преданий сянби во время тяжелого пути переселения через горы на юг перед ними появился некий священный зверь, похожий на лошадь, но с голосом, как у быка, который повел народ за собой. Этноним «сянби» в хрониках упоминался в словосочетании, означающем «пояс с пряжкой, изображающей благовещего зверя». Этот «зверь» описывался в виде существа, похожего на белую лошадь с черным хвостом (в некоторых случаях с двумя или тремя хвостами), одним рогом, зубами и когтями, как у тигра, и голосом, подобным звуку барабана. Текст подтверждается находками в сянбийских памятниках поясов с дорожными бляшками, изображающими «благовещего зверя» [44. С. 320–325].

Некоторую информацию по элементам престижного пояса и сопровождающему пояс клинку предоставляет один из ключевых памятников постгуннского периода на территории Сарыарки погребение в Боровом (Северный Казахстан). Памятник обнаружен случайно при каменоломных работах в 1928 г. в 6,4 км на север от г. Щучинска и 2,1 км от современного Аграрного колледжа, на территории урочища Бармашное. Богатый инвентарь, обнаруженный в погребении, позволяет исследователям подойти к решению важных проблем этносоциальной принадлежности погребенного в Боровом и других комплексах Сарыарки и близлежащих регионов Центральной Азии, Южного Зауралья, Западной Сибири. Интерес представляет группа украшений с инкрустациями. Группа достаточно разнообразна, имеется несколько совершенно разных и уникальных. В нее можно включить вытянутые пластины, украшенные зернью и цветными камнями в гнездах, обычно гранатом. Медальоны, пуговицы и бляхи разных форм и размеров с одним камнем в центре (обычно сердолик) и поясками зерни по краю изделия. Предметы разных геометрических форм, орнаментированные зернью и инкрустацией из алмандинов и гранатов, концевые закругленные части пряжек или заколок, обильно украшенные зернью. Небольших размеров наконечники прямоугольной формы, один край которого загнут валиком, украшены камнями; обломок в виде головы птицы и пластинки с гнездами. Предметы последних типов выполнены в технике клуазоне (перегородчатой инкрустацией) [45. С. 216–229].

Уникальной находкой стала рифленая пряжка из сердолика, которая имеет аналог в виде пряжки из белого халцедона, находящейся в коллекции музея Эшмола в Оксфорде, и относится к предметам сасанидского круга [46. С. 193–194].

Самой интересной находкой стал кинжал в богато украшенных трапециевидных ножнах. Его в многочисленных фрагментах обнаружил в 1980 г. японский исследователь В. Аназава. Исследователь предположил, что клинок и ножны близки по типу к найденным ранее в Корее в гробнице 14 на Керим-ло. Гробница относилась к группе элитных погребальных комплексов государства Силла. У пояса одного из погребенных исследователи обнаружили кинжал в богато декорированных ножнах, техника и манера украшений в полихромном стиле показывали исследователям западное культурное влияние [47]. Важно отметить, что в 548 г. царь Силла заявил: «Люди бывают знатные и незнатные, высшие и низшие, их обычаи неодинаковы и одежда неодинакова: у простолюдинов – скудная и плохая, у богатых – обильная и роскошная». Специальным указом сословное различие в одежде было закреплено, а каждому рангу присвоена своя «форма» [48. С. 119–121; 49. С. 318–321]. Статистический анализ предметов из погребальных комплексов в Кенчжу позволяет говорить о далеко зашедшей имущественной дифференциации силланского общества. При этом погребение № 14 с клинком, согласно исследователю М.В. Воробьеву, принадлежит «знати среднего ранга» [48. С. 119–121].

Наиболее полная реконструкция была предложена И.П. Засецкой на основе имеющихся материалов с привлечением дополнительных данных из фотоархива ИИМК [36. С. 124–125; 40. С. 86–89]. В декоре ножен боровского клинка были использованы вставки из граната в напаянных гнездах, в дополнение к этому имеются также ободки из филигранной проволоки. Основными мотивами орнамента на ножнах из Борового выступают изображения лотоса и Я-образных фигур [36. С. 124–125; 40. С. 86–89]. Третьим регионом, где зафиксированы изображения клинков данного типа, являются современная Средняя Азия и Восточный Туркестан, в разные периоды обладавшие общими культурными признаками. На фресках Афрасиаба они присутствуют на изображениях мужчин в золотых или позолоченных ножнах, носимых спереди. Ножны, сужающиеся к середине и расширяющиеся по краям в верхней части, имеют несколько разных типов скоб. К скобам с пояса спущены ремешки. Навершия кинжалов представлены серией типов, близкие к боровскому и корейскому известны на фрагменте росписи с южной стены, у пояса верхнего всадника [50. Табл. XXX]. Росписи Пянджикента демонстрируют еще несколько образцов подобных клинков – у игрока в нарды на западной стене помещения 13, у воинов, сидящих вереницей под балдахинами, на фреске в помещении 1 объекта VI [51. Табл. VIII, XIV]. Далее на восток они встречаются на одной из фресок в «пещере Майя» близ Кучи, у центрального воина в многофигурной композиции [52. Рис. 20]. Датируются изображения в несколько более широких хронологических рамках VI–VIII вв. Однако, судя по устойчивости традиции их

изображения, можно предположить, что мода на подобные клинки появилась несколько ранее.

О традиции ношения в домусульманский период специальных золотых поясов как признаков сословной принадлежности среднеазиатской знати говорят разные источники. В рассказе о прибытии Кутебы в 712 г. в Самарканд повествуется о том, как гулямы Гурека, сына ихшида, были опоясаны золотыми поясами, инкрустированными драгоценными камнями. Табари, описывая осаду Самарканда, приводит данные о победе над знатными молодыми витязями из Шаша. В результате этого в руки арабов попало превосходное оружие, дорогие одежды, золотые пояса и кони и др. [53. С. 213–218; 54. С. 78–91]. Другим подтверждением моды на золотые статусные пояса может служить изображение на погребальном памятнике (ложе) согдийского аристократа Ань Цзе из Китая, на котором можно рассмотреть пояс с золотым наконечником и золотой пряжкой [22. С. 315–342].

В известном памятнике Первого тюркского каганата – Бугутской стеле, содержатся уникальные сведения о титулах, бытовавших в VI в. в период расцвета Первого Тюркского каганата. Они, как и весь текст, записаны на согдийском языке и согдийской графикой. В памятнике приводятся редкий титул – $\gamma\omega\gamma\prime r\prime\omega\mu$ – «держатель пояса». Первая часть от тюркского qur – «пояс», «достоинство, чин». Вторая часть рассматриваемого слова представляет собой производное от глагольной основы $qar-$, имеющей в качестве исходных значений «хватать, (крепко) держать» [55. С. 121–146].

Среди эпитафий древнетюркских рунических памятников встречаются упоминания о поясе, который можно интерпретировать как знак-символ. Так, надпись на памятнике с р. Уюк-Туран переводится следующим образом: «Пояс с пятьюдесятью золотыми пряжками я повязал на своей поясице...» [56. С. 17]. Или: «...на поясе мы водрузили луновидную пряжку. Так как у него была доблесть, то у хана достиг мой бег пряжки тутука» [57. С. 22]. В другой надписи говорится: «Моя геройская доблесть. У меня сорок две пряжки» [58. С. 31]. Анализ письменных источников показывает, что разные должностные лица имели и разные пояса, отличавшиеся числом блях. Например, Учин-Кулюг-Тириг, владетель одного из бегов в Туве, носил пояс с 50 золотыми накладками [59. С. 107–110]. Свое владение Учин-Кулюг-Тириг получил за участие в кыргызско-уйгурских войнах. Можно полагать, что и золотой пояс ему был дан как своеобразный знак, подтверждающий его права на богатство. В эпитафии, посвященной бегу Аза-тутуку, говорится, что он получил от хана за свою доблесть луновидную пряжку, которую укрепил на поясе.

Во всех случаях, когда в древнетюркских эпитафиях упоминаются пояса, говорится либо о золотом поясе вообще, либо называется количество поясных накладок, буквально – пряжек. Не только пояс Учин-Кулюг-Тирига украшало большое количество золотых накладок.

Ак Баш Атык, стоявший во главе шести родов, имел титул инала и носил пояс с 42 золотыми накладками. Фактически подтверждается, что тюркская знать и высокие должностные лица имели пояса с золотыми накладками.

Итак, знаковый характер золотого пояса не вызывает сомнения. Заметим, что в словосочетании «золотой пояс» своеобразно сплелись семиотические сущности двух разнородных предметов: золота как явления природного мира и пояса как явления культурного мира. Любой предмет, в том числе и пояс, может осознаваться как знак только при наличии знаковой ситуации, центральным звеном которой выступает организованная система, в данном случае это человек.

В ситуациях, где в качестве знака выступал золотой пояс, его семиотические свойства проявлялись, в первую очередь, через символику золота.

В киргизском народном эпосе «Манас» пояс выступает в функции оберега. Перед походом на китайцев Манас приводит своих богатырей к своей жене Каныкей, которая каждому вручает доспех и теплую одежду. Свой дар она сопровождает словами:

«Под звенящими стрелами Вам, придется путь пробивать. Как вернуться целыми Вам? Как с таким врагом воевать? Да хранят Вас, чоро, небеса! Есть особые для Вас пояса. Сорок червонных щитков укрепляют каждый кушак, Сорок алмазных глазков украшают каждый кушак. И молитвенные слова вырезаны по краям» [60. С. 48].

Наборные пояса в обществах кочевников Южной Сибири и Центральной Азии на протяжении двух тысячелетий имели ярко выраженную военную и социальную символику.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, в разные периоды в кочевнической среде костюм символизировал власть, однако это относилось прежде всего к декору и дополнительным элементам украшения одежды. Кочевниками активно использовался возможный арсенал символов власти, связанных с костюмом: прически и головные уборы, украшения, специальные пояса и оружие. Они соответственно размещены на верхних частях человеческого тела – голове, шее, груди, поясе.

Во-вторых, судя по письменным и археологическим данным, костюм элиты, при сохранении некоторых аутентичных кочевнических черт, в декоре явно испытывал влияние имперских мод Китая, Ирана, Византии. Ярким подтверждением служит распространение в степном регионе предметов, выполненных в полихромном стиле, представляющих собой сочетание драгоценных металлов и камней (гранат, бирюза, сердолик). Внутри элитарной культуры обозначенного хронологического периода наблюдается некоторая динамика: так, ряд элементов костюма был, к примеру, характерен только для гуннского времени (диадемы) и не использовался в постгуннское, некоторые элементы постгуннского (женские ожерелья) были незнакомы предшествующей элитарной моде. Заметна четкая географическая привязка: кочевники восточно-

европейской степи были тесно связаны со средиземноморьем и Византией, у племен Северного и Центрального Казахстана при господстве согдийских и иранских связей имели место и византийские следы, что обеспечивалось контактами с родственными огузскими племенами Северного Причерноморья. Далее на восток кочевники, очевидно, в большей мере были ориентированы на Китай.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровкова Л.А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским историям). М., 1992. 184 с.
2. Егоров Н.И. Некоторые методологические подходы к этнокультурной идентификации кочевнических древностей Евразийских степей // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов : сб. науч. тр. / гл. ред.: С.Г. Боталов; отв. ред. Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 321–335.
3. Камалов А.К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы : Наш Мир, 2001. 216 с.
4. Кляшторный С.Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.
5. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М. : Наука, 1984. 486 с.
6. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М. : Вост. лит. РАН, 1997. 319 с.
7. Комиссаров С.А., Алехин К.А. Юйвэнь и юйвэнь // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 112–115.
8. Кляшторный С.Г. Тэсинская стела (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1983. № 6. С. 76–90.
9. Бичурин (Иакинф) Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. 334 с.
10. Артамонов М.И. История хазар. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
11. Петров Л.В. Феномен моды в процессе межличностного общения // Категории этики и эстетики. Л. : ЛГПИ, 1973. С. 147–158.
12. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 3-е изд. СПб. : Питер, 2004. 208 с.
13. Степучев Р.А. Основы теории костюмного языка : учеб. пособие для вузов. М. : МГТУ им. А.Н. Косыгина, 2003. 192 с.
14. Шаймердинова Н.Г. Древнетюркская картина мира в текстах письменных памятников : учеб. пособие. Астана : ЕНУ, 2014. 261 с.
15. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата : Наука, 1984. 176 с.
16. Майтдинова Г.М. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего Средневековья // История материальной культуры Узбекистана. 1987. Вып. 21. С. 114–132.
17. Панкова С.В. Композитная юбка из могильника Оглахты в Южной Сибири // Научный отчет: VI конгресс этнографов и антропологов России. Секция VI. Текстиль и традиционный костюм народов Евразии. 2005. С. 159–160.
18. Полосымак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : Инфолио, 2005. 232 с.
19. Тетерин Ю.В. Центральноазиатские элементы таштыкского костюма (по материалам грунтовых могил) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 56–65.
20. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006. 664 с.
21. Яценко С.А. Древние тюрки: мужской костюм в китайском искусстве 2-й пол. VI – 1-й пол. VIII вв. (образы «Иных») // Transoxiana (Internet-journal). Buenos Aires, 2009. № 14.
22. Яценко С.А. Мужской костюм ранних тюрков в китайском искусстве VI–VII вв.: образы «Иных» // Степи Европы в эпоху Средневековья. Хазарское время. Донецк, 2009. Т. 7. С. 315–342.
23. Алтынбеков К., Алтынбекова Д.К. Исследования и реконструкция костюма по материалам кургана Аржан-2 // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань ; Омск : Ин-т истории АН РТ, 2010. Ч. 1. С. 253–256.
24. Алтынбеков К. Древние кочевники Евразии: собирательные образы номадов в исторических реконструкциях костюма // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 206–210.
25. Соковнин В.М. Фасцинация тела. Екатеринбург : АФА, 2011. 61 с.
26. Ярыгин С.А. Функциональное назначение бронзового ножа из погребения кургана 1 могильника Шагалалы IV и одна этнографическая черта тасмолинских племен // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Всадники Великой степи: традиции и новации. Астана : Изд. группа филиала И-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. С. 279–289.
27. Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков : ХГАК, 2006. 553 с.
28. Кюнер И.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Kuner/text15.htm>, свободный (дата обращения: 12.09.2016).
29. Бичурин Н.Я. [Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/bicurin.htm>, свободный (дата обращения: 12.09.2016).
30. Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 3. С. 7–31.
31. Вадецкая Э.Б. К выявлению этнических признаков населения таштыкской культуры // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск : ТГУ, 1987. С. 40–52.
32. Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент : Изд-во лит. и искусства, 1987. 224 с.
33. Мاستыкова А.В. «Княжеская» мода эпохи Великого переселения народов и северокавказский женский костюм // Российская археология. 2008. № 3. С. 26–34.
34. Yarygin S.A., Shaimerdinova N.G., Alpysbes M. Elements of the aristocratic fashion in Central and Inner Asia in the V–VI centuries // The collection includes the 3rd International Conference «Research, Innovation and Education» by SCIEURO in London. 2016. P. 154–165.
35. Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2005. 590 с.
36. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. 224 с.
37. Ветер в соснах.... 5000 лет корейского искусства. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. 304 с.
38. Козырев А. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Известия императорской археологической комиссии. СПб.: 1905. Вып. 16.
39. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
40. Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
41. Бейсенов А.З., Веселовский Е.В. Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : ЮУрГУ, 2013. С. 446–461.
42. Бейсенов А.З., Китов Е.П. Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : ЮУрГУ, 2013. С. 462–468.
43. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : НГУ, 1990. 164 с.

44. Миклашевич Е.А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции : материалы темат. науч. конф. СПб., 2004. С. 320–325.
45. Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // Сборник музея археологии и этнографии. М. ; Л., 1951. Т. 13. С. 216–229.
46. Казанский М.М. Прямки раннесаянских традиций в Северной Евразии // Первобытная археология. Человек и искусство : сб. к 70-летию Я.А. Шера. Новосибирск, 2002. С. 193–197.
47. Gyeongju National Museum. Ornamental Dagger Sheath. URL: http://gyeongju.museum.go.kr/html/en/master/master_01.html?GotoPage=2&gubun=&pageSize=10, свободный (дата обращения: 02.05.2014).
48. Воробьев М.В. Древняя Корея (историко-археологический очерк). М. : Изд-во вост. лит., 1961. 194 с.
49. Ким Бусик. Самгук (Самгук) саги. Летописи Силла. Серия Памятники литературы народов востока. М. : Наука ; Вост. лит., 1959. Кн. 1. 202 с.
50. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент : Изд-во ФАН Узбекской ССР, 1975. 113 с.
51. Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. С. 11–87.
52. Дьяконов М.М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 83–159.
53. Беленицкий А.М., Распопова В.И. Согдийские «золотые пояса» // Страны и народы Востока. 1980. Вып. 22. С. 213–218.
54. Распопова В.И. Поясной набор Согда VII–VIII вв. // Советская археология. 1965. № 4. С. 78–91.
55. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. 1971. Вып. 10. С. 121–146.
56. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М. ; Л., 1952. 114 с.
57. Батманов И.А., Кунаа А.Ч. Памятники древнетюркской письменности. Кызыл, 1963. Вып. 1. 68 с.
58. Батманов И.А., Кунаа А.Ч. Памятники древнетюркской письменности. Кызыл, 1965. Вып. 3. 44 с.
59. Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. № 3. С. 107–110.
60. Манас. Киргизский народный эпос. Главы из Великого похода (по варианту Сагымбая Оразбакова) / пер. С. Липкина и М. Тарловского. М., 1941. 158 с.

Yarygin Sergey A. L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: kazak_serega@mail.ru; *Sarsambekova Arna S.* Tyumen State University (Tyumen, Russia), L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: sarsambekova@yandex.com; *Shaimerdinova Nurila G.* L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: nurila1607@mail.ru

TRADITIONAL COSTUME IN THE SYSTEM OF SYMBOLIC REPRESENTATION OF POWER OF EURASIAN NOMADS IN THE FIRST HALF OF THE FIRST MILLENNIUM.

Keywords: hunns; ogurs; turks; elite; costume.

The article is dedicated to the research of the traditional costume in potestary culture of the Eurasian nomads of the Hunnic and post-Hunnic periods; of social and normative value and representative capabilities of the costume specific elements in the system of power symbolics. The purpose of the study is the costume analysis as the codification of power symbols among nomads. Most of the characters were on the suit in the upper part of the human body: on the head, neck, chest, and belt. In this regard, to achieve the goal, authors decided the following tasks: to analyze the hairstyle; key elements of traditional costume (tiaras, colts, earrings, special women's necklaces); the belt. The potestary imagology methods were employed to solve the issue. The period is characterized by migration process activation, which led to an active interaction of various tribes of origin and separation of elite groups, claiming the high inter-tribal and intra-tribal status. These processes resulted in formation of the developed potestary symbolics. The records of archeological sites of Hunnic-Sarmatian and post-Hunnic periods at Oglakhty, Tugozvonovo, Burabay, Morskoy Chulek etc.; fresco paintings recorded in Pendshkent, Afrasiab and 'Maya cave' near Kuchi; texts of Old Turkic runic monuments – Tesin stela, Bugut stela etc.; data of Chinese chronic – Houhanshu, Beishi, Veishu, Suishu resources were used. As the result of the undertaken research the authors came to the following conclusions: at Hunnic and post-Hunnic periods in the nomad environment a costume was extensively used for representation of the authorities. Firstly, researchers have revealed a wide variety of hairstyles among nomads: braids, aydars (man's braid), shaving on the head, the formation of complex hairstyles that combined with the headdress (this was characteristic more for women). Thus, the hairstyle showed the ethnic characteristic, the social and sex-age positions of the individual. Secondly, research materials show that the key elements of the traditional costume in the first Hunnish stage were diadems, colts and earrings. At the second Hunnish stage, the list included special female necklaces. Finally, the authors found that the term "golden belt" includes the semiotic essence of gold (the phenomenon of the natural world) and the belt (the phenomenon of the cultural world). Within the elite culture of the highlighted chronological periods some dynamics is viewed, a distinct geographical referencing is noticed; Eastern European nomads were closely connected with Byzantium; the Central Asian tribes extended the Sogdian and Sasanian links; at the Inner Asia the nomads were oriented to China.

REFERENCES

1. Borovkova, L.A. (1992) *Problema mestopolozheniya tsarstva Gaochan (po kitayskim istoriyam)* [The problem of the location of the kingdom of Gaochang (according to Chinese stories)]. Moscow: Nauka.
2. Egorov, N.I. (2013) Nekotorye metodologicheskie podkhody k etnokul'turnoy identifikatsii kochevnicheskikh drevnostey Evraziyskikh stepey [Some methodological approaches to the ethnocultural identification of nomadic antiquities of the Eurasian steppes]. In: Botalov, S.G. (ed.) *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov* [The Huns Forum. Problems of origin and identification of the culture of Eurasian Huns]. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 321–335.
3. Kamalov, A.K. (2001) *Drevnie yugypy. VIII–IX vv.* [Ancient yugypy. The 8th – 9th centuries]. Almaty: Nash Mir.
4. Klyashtornyy, S.G. (2005) Stepnye imperii: rozhdenie, triumf, gibel' [Steppe empires: birth, triumph, death]. In: Klyashtornyy, S.G. & Savinov, D.G. *Stepnye imperii drevney Evrazii* [Steppe empires of ancient Eurasia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Taskin, V.S. (ed.) (1984) *Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu* [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Dunhu group]. Moscow: Nauka.
6. Kychanov, E.I. (1997) *Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov* [Nomadic states from the Huns to the Manchus]. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Komissarov, S.A. & Alekhin, K.A. (1996) Yuyven' i yuyveni [Yuven and Yuveni]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 112–115.
8. Klyashtornyy, S.G. (1983) Tesinskaya stela (Predvaritel'naya publikatsiya) [Tesinskaya stela (Preliminary publication)]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 6. pp. 76–90.
9. Bichurin, N.Ya. (1950) *Sobranie svedeniy o narodakh obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Data about the peoples inhabiting Central Asia in ancient times]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.

10. Artamonov, M.I. (1962) *Istoriya khazar* [The History of the Khazars]. Leningrad: The Hermitage.
11. Petrov, L.V. (1973) Fenomen mody v protsesse mezlichnostnogo obscheniya [The phenomenon of fashion in the process of interpersonal communication]. In: *Kategorii etiki i estetiki* [Categories of Ethics and Aesthetics]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute. pp. 147–158.
12. Gofman, A.B. (2004) *Moda i lyudi Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and people A new theory of fashion and fashionable behaviour]. 3rd ed. St. Petersburg: Piter.
13. Stepuchev, R.A. (2003) *Osnovy teorii kostyumnogo yazyka* [Theory of Costume Language]. Moscow: Moscow state university of design and technology.
14. Shaymerdinova, N.G. (2014) *Drevnetyurkskaya kartina mira v tekstakh pis'mennykh pamyatnikov* [Ancient Turkic picture of the world in the texts of written monuments]. Astana: ENU.
15. Akishev, A.K. (1984) *Iskusstvo i mifologiya sakov* [Art and Mythology of the Saks]. Alma-Ata: Nauka.
16. Maytdinova, G.M. (1987) Otrazhenie v zhenskikh kostyumakh Tokharistana i Sogda kul'turnykh vzaimosvyazey rannego srednevekov'ya [Reflection in the female costumes of Tokharistan and Sogd cultural interrelations of the early Middle Ages]. In: Maytdinova, G.M. et al. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan]. Issue 21. Tashkent: Uzbekskaya ASSR AS. pp. 114–132.
17. Pankova, S.V. (2005) Kompozitnaya yubka iz mogil'nika Oglakhty v Yuzhnoy Sibiri [The composite skirt from Oglachta burial ground in South Siberia]. In: Baiburin, A. (ed.) *VI kongress etnografov i antropologov Rossii. Sektsiya VI. Tekstil' i traditsionnyy kostyum narodov Evrazii* [The Sixth Congress of Russian Ethnographers and Anthropologists. Section 6. Textiles and traditional costume of the peoples of Eurasia]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. pp. 159–160.
18. Polosmak, N.V. & Barkova, L.L. (2005) *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.)* [Costume and textiles of Pazyryk people of Altai (the 4th – 3rd centuries BC)]. Novosibirsk: Infolio.
19. Teterin, Yu.V. (1999) Tsentral'noaziatskie elementy tashtytskogo kostyuma (po materialam gruntovykh mogil') [Central Asian elements of Tashtyk costume (based on soil graves)]. In: Ozhogin, V.I. & Mitko, O.A. (eds) *Evrasiya: kul'turnoe nasledie drevnykh tsivilizatsiy* [Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilisations]. Issue 2. Novosibirsk. pp. 56–65.
20. Yatsenko, S.A. (2006) *Kostyum drevney Evrazii (iranoyazychnye narody)* [Costume of ancient Eurasia (Iranian-speaking peoples)]. Moscow: Vostochnaya literatura.
21. Yatsenko, S.A. (2009) Drevniye tyurki: muzhskoy kostyum v kitayskom iskusstve 2-y pol. VI – 1-y pol. VIII vv. (obrazy "Inykh") [Ancient Turks: the male costume in Chinese art in the second half of the 6th – early 8th centuries (images of "Others")]. *Transoxiana*. 14.
22. Yatsenko, S.A. (2009) Muzhskoy kostyum rannikh tyurkov v kitayskom iskusstve VI–VII vv.: obrazy "Inykh" [Male costume of the early Turks in Chinese art of the 6th–7th centuries: Images of "Others"]. In: Evglevskiy, A.V. (ed.) *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya. Khazarское время* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar time]. Vol. 7. Donetsk: Donetsk National University. pp. 315–342.
23. Altynbekov, K. & Altynbekova, D.K. (2010) Issledovaniya i rekonstruktsiya kostyuma po materialam kurgana Arzhan-2 [Studies and reconstruction of the costume on materials of the Arzhan-2 mound]. In: Tomolov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Kazan; Omsk: Institute of History, RT. pp. 253–256.
24. Altynbekov, K. (2013) Ancient nomads of Eurasia: generalised images of nomads in historical reconstructions of costume. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 206–210. (In Russian).
25. Sokovnin, V.M. (2011) *Fastsinat'siya tela* [Fascination of the Body]. Ekaterinburg: AFA.
26. Yarygin, S.A. (2014) Funktsional'noe naznachenie bronzovogo nozha iz pogrebeniya kurgana 1 mogil'nika Shagalaly IV i odna etnograficheskaya cherta tasmolinskikh plemen [Functional purpose of the bronze knife from the burial mound 1 of Shagalaly IV burial ground and one ethnographic feature of the Tasmolin tribes]. In: *Vsadniki Velikoy stepi: traditsii i novatsii* [Horsemen of the Great Steppe: traditions and innovations]. Astana: A.Kh. Margulan Institute of Archeology. pp. 279–289.
27. Tortika, A.A. (2006) *Severo-Zapadnaya Khazariya v kontekste istorii Vostochnoy Evropa* [North-Western Khazaria in the context of the history of Eastern Europe]. Kharkov: Kharkov State Academy of Culture.
28. Kyuner, I.V. (n.d.) *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese news about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. [Online] Available from: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Kuner/text15.htm>. (Accessed: 12th September 2016).
29. Bichurin, N.Ya. (1953) *Sobranie svedeniy o narodakh obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Data about the peoples inhabiting Central Asia in ancient times]. [Online] Available from: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/bicurin.htm>. (Accessed: 12th September 2016).
30. Gryaznov, M.P. (1961) Drevneyshie pamyatniki geroicheskogo eposa narodov Yuzhnoy Sibiri [The ancient monuments of the heroic epic of the peoples of Southern Siberia]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. 3. pp. 7–31.
31. Vadetskaya, E.B. (1987) K vyavleniyu etnicheskikh priznakov naseleniya tashtytskoy kul'tury [To the identification of ethnic signs of the population of the Tashtyk culture]. In: tomilov, N.A. (ed.) *Problemy proiskhozhdeniya i etnicheskoy istorii tyurkskikh narodov Sibiri* [Problems of the origin and ethnic history of the Turkic peoples in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 40–52.
32. Pugachenkova, G.A. (1987) *Iz khudozhestvennoy sokrovishchnitsy Srednego Vostoka* [From the art treasury of the Middle East]. Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva.
33. Mast'ykova, A.B. (2008) "Knyazheskaya" moda epokhi Velikogo pereseleniya narodov i severokavkazskiy zhenskiy kostyum ["Princely" fashion during the Great Migration of Nations and the North Caucasian female costume]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 26–34.
34. Yarygin, S.A., Shaimerdinova, N.G. & Alpysbes, M. (2016) Elements of the aristocratic fashion in Central and Inner Asia in the 5th–6th centuries. *Research, Innovation and Education*. Proc of the Third Conference by SCIEURO. London. pp. 154–165.
35. Shchukin, M.B. (2005) *Gotskiy put'. Goty, Rim i Chernyakhovskaya kul'tura* [The Gothic Way. Goths, Rome and the Chernyakhov culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
36. Zaset'skaya, I.P. (1994) *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV–V vv.)* [Nomadic culture of the South Russian steppes in the Hunnic era (the late 4th – 5th centuries)]. St. Petersburg.
37. Arapova, T. (ed.) *Veter v sosnakh . . . 5000 let koreyskogo iskusstva* [The Wind in the Pines . . . 5000 years of Korean art]. Translated by A. Gurieva. St. Petersburg: The Hermitage.
38. Koz'yrev, A. (1905) Raskopki kurgana v urochishche Kara-Agach Akmolinskogo uyezda [Excavations of the mound in the Kara-Agach tract of the Akmolinsk district]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy komissii*. 16.
39. Umanskiy, A.P. (1978) Pogrebenie epokhi "velikogo pereseleniya narodov" na Charyshe [Burial related to "The Great Migration of Peoples" in Charysh]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 129–163.
40. Zaset'skaya, I.P., Kazanskiy, M.M., Akhmedov, I.R. & Minasyan, R.S. (2007) *Morskoy Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu* [Marine Chulek. Burials of the nobility from the Azov Sea and their place in the history of the tribes of the Northern Black Sea coast in the post-Gungun era]. St. Petersburg: The Hermitage.
41. Beysenov, A.Z. & Veselovskiy, E.V. (2013) Pogrebenie gunnskogo vremeni iz mogil'nika Enbekshil (Tsentral'nyy Kazakhstan) [Burial of the Hunnish time from the Enbekshil burial ground (Central Kazakhstan)]. In: Botalov, S.G. (ed.) *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov* [The Huns Forum. Problems of origin and identification of the culture of Eurasian Huns]. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 446–461.
42. Beysenov, A.Z. & Kitov, E.P. (2013) Vpusknoe pogrebenie gunnskogo vremeni iz mogil'nika Nazar-2 (Tsentral'nyy Kazakhstan) [The inlet burial of the Hunnish time from the Nazar-2 burial ground (Central Kazakhstan)]. In: Botalov, S.G. (ed.) *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i iden-*

- tifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov* [The Huns Forum. Problems of origin and identification of the culture of Eurasian Huns]. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 462–468.
43. Dobzhanskiy, V.N. (1990) *Nabornye poyasa kochevnikov Azii* [Asian nomadic plated belts]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
 44. Miklashevich, E.A. (2004) “Plemya edinoroga” na Enisee (syan'beyskie motivy v naskal'nom iskusstve Minusinskoj kotloviny) [“The tribe of the unicorn” on the Yenisei (Xianbei motifs in the rock art of the Minusinsk hollow)]. In: Savinov, D.G. (ed.) *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii* [Artistic monuments: Style, era, composition]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 320–325.
 45. Bernshtam, A.N. (1951) Nakhodki u oz. Borovogo v Kazakhstane [Finds near Lake Borovoe in Kazakhstan]. *Sbornik muzeya arkheologii i etnografii*. 13. pp. 216–229.
 46. Kazanskiy, M.M. (2002) Pryazhki rannesasanidskoy traditsii v Severnoy Evrazii [Buckles of the early Sasanian tradition in Northern Eurasia]. In: Bobrov, V.V. & Sher, Ya. A. (eds) *Pervobytnaya arkheologiya. Chelovek i iskusstvo* [Primitive Archeology. Man and Art]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 193–197.
 47. Gyeongju National Museum. (n.d.) *Ornamental Dagger Sheath*. [Online] Available from: http://gyeongju.museum.go.kr/html/en/master/master_01.html?GotoPage=2&gubun=&pageSize=10. (Accessed: 2nd May 2014).
 48. Vorobiev, M.V. (1961) *Drevnyaya Koreya (istoriko-arkheologicheskii ocherk)* [Ancient Korea (a historical and archaeological sketch)]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury.
 49. Busik, K. (1959) *Samguk (Samkuk) sagi. Letopisi Silla* [Samguk sagas. Annals of Sylla]. Translated from Korean by M. Pak. Book 1. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura.
 50. Albaum, L.I. (1975) *Zhivopis' Afrasiaba* [Afrasiab paintings]. Tashkent: FAN.
 51. Belenitskiy, A.M. (1959) Novye pamyatniki iskusstva drevnego Pyandzhikenta. Opyt ikonograficheskogo istolkovaniya [New monuments of art of ancient Pyanjikent. Experience of iconographic interpretation]. In: Belenitskiy, A.M. & Piotrovskiy, M.M. (eds) *Skulptura i zhivopis' drevnego Pyandzhikenta* [Sculpture and painting of ancient Pyanjikent]. Moscow: USSR AS. pp. 11–87.
 52. Dyakonov, M.M. (1954) Rospisi Pyandzhikenta i zhivopis' Sredney Azii [Paintings of Pyanjikent and Central Asia]. In: Yakubovskiy, A.Yu. & Dyakonov, M.M. *Zhivopis' drevnego Pyandzhikenta* [Painting of Ancient Pyanjikent]. Moscow: USSR AS. pp. 83–159.
 53. Belenitskiy, A.M. & Raspopova, V.I. (1980) Sogdiyskie “zolyte poyasa” [Sogdian “golden belts”]. In: Popova, I.F. & Skrynnikova, T.D. (eds) *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Issue 22. Moscow: Nauka. pp. 213–218.
 54. Raspopova, V.I. (1965) Poyasnoy nabor Sogda VII–VIII vv. [The Sogrdia belt in the 7th–8th centuries]. *Sovetskaya arkheologiya*. 4. pp. 78–91.
 55. Klyashtorny, S.G. & Livshits, V.A. (1971) Sogdiyskaya nadpis' iz Buguta [Sogdian inscription from Bugut]. In: Popova, I.F. & Skrynnikova, T.D. (eds) *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Issue 10. pp. 121–146.
 56. Malov, S.E. (1952) *Eniseyskaya pis'mennost' tyurkov. Teksty i perevody* [The Yenisei script of the Turks. Texts and translations]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
 57. Batmanov, I.A. & Kuna, A.Ch. (1963) *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti* [Monuments of Ancient Turkic writing]. Issue 1. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo.
 58. Batmanov, I.A. & Kuna, A.Ch. (1965) *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti* [Monuments of Ancient Turkic writing]. Issue 3. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo.
 59. Kyzlasov, L.R. (1960) Novaya datirovka pamyatnikov eniseyskoy pis'mennosti [New dating of monuments of the Yenisei script]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 107–110.
 60. Anon. (1941) *Manas. Kirgizskiy narodnyy epos. Glavy iz Velikogo pokhoda (po variantu Sagymbaya Orazbakova)* [Manas. Kirghiz folk epic. Chapters from the Great March (by Sagymbai Orazbakov)]. Translated by S. Lipkin, M. Tarlovsky. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.